Сначала Толстой испытывалъ нѣкоторыя трудности въ задаваніи сочиненій, и наконецъ самъ сѣлъ между дѣтьми и предложилъ писать вмѣстѣ повѣсть на тему, выраженную пословицей. Мальчики перестали заниматься, столпились вокругъ него, стали заглядывать къ нему черезъ плечо; онъ передалъ тогда разсказъ въ ихъ руки, предоставивъ имъ самимъ сочинять,и сталъ дѣйствовать только какъ секретарь, съ нѣкоторымъ правомъ выбора.

Первая страница этой повѣсти написана Толстымъ, остальное почти цѣликомъ самими учениками. О результатахъ своего опыта Толстой замѣчаетъ: «всякій непредубѣжденный человѣкъ, имѣющій чувство художественности и народности, прочтя эту первую, писанную мною, и слѣдующія страницы повѣсти, писанныя самими учениками, отличитъ эту страницу отъ другихъ, какъ муху въ молокѣ: такъ она фальшива, искусственна и написана такимъ плохимъ языкомъ. Надо замѣтить, что въ первоначальномъ видѣ она была еще уродливѣе и много исправлена, благодаря указанію учениковъ».

Благодаря этому случаю Толстой открылъ способности Ѳедьки и былъ особенно пораженъ его чувствомъ мѣры, «главнымъ свойствомъ во всякомъ искусствѣ». Они работали вмѣстѣ 4 часа—отъ 7 до 11 часовъ вечера; другіе мальчики ушли домой, и писали только Ѳедька и его товарищъ Семка.

«А печатывать будемъ?» спросилъ Ѳедька.

«Да».

«Такъ и напечатывать надо: сочиненіе Макарова, Морозова и Толстого».

Толстой не колеблясь поставилъ Ѳедьку выше Гёте, а про самого себя говоритъ, что онъ не только не могъ указать или помочь 11-лѣтнему Семкѣ и Ѳедькѣ, а что едва-едва, и то только въ счастливую минуту возбужденія, способенъ былъ слѣдить за ними и понимать ихъ.

Онъ приводитъ еще другую повѣсть Ѳедьки, въ которой описывается неожиданное возвращеніе солдата въ семью. Тема была дана Толстымъ. Первая глава вышла «несравненно сла-